

– Э? Мы вам, часом, не помешали? – А-Ляо вошла во двор и застала дивную картину: Чжэнь Вэньцзюнь сидела на коленях за столиком, густо залившись краской, а Вэй Тинсуй и вовсе устроилась прямо на столешнице. Последняя не торопясь расставляла по местам раскатившиеся от удара фрукты и поднимала опрокинутый кувшин.

Затем Вэй Тинсуй спустилась на землю и повернулась к госте:

– Разве то, что вы помешали, когда-то вас останавливало? Раз уж пришли, давайте вместе любоваться луной и пить вино, – она улыбнулась с безупречной вежливостью.

Будь на месте А-Ляо кто-то чужой, он наверняка принял бы это за радужное приглашение. Но А-Ляо росла вместе с ней и прекрасно знала, какая гримаса скрывается за каждым словом. Судя по виду, Вэй Тинсуй сейчас вполне была готова кого-нибудь прирезать.

Чувство самосохранения у А-Ляо развито было отменно. Кое-как отшутившись, она уже собиралась увести своих спутниц прочь, но тут из толпы решительно вынырнула А-Жань, увлекая за собой Чжансунь У.

– Вот-вот! – с улыбкой вклинилась А-Жань, проталкиваясь вперёд. – Зима уже на носу, в холода такой благодатной погоды не дождёшься, чтобы вот так посидеть в саду, попить вина да на луну поглядеть.

А-Жань принялась вовсю созывать гостей рассаживаться. По её кличу слуги притащили ещё низких столиков и расставили их по всему периметру Бамбуковой обители, образовав ровный круг. Самого Чжансунь У усадили бок о бок с Вэй Тинсуй.

Чжэнь Вэньцзюнь проявила благоразумие и тактично отступила в сторону. Она помнила, что рядом с ней изначально дежурила Сяохуа, но стоило ей оглянуться, как место помощницы невесты когда заняла А-Ляо.

– Сестрица Вэньцзюнь! Мы не виделись всего ничего, а ты расцвела так, словно сошла с небес! Истинное божество, чистая и отрешённая от мирской суеты! Я ведь с самого начала знала, что сестрица – необработанная яшма. Видать, Тинсуй за эти годы приложила немало трудов, чтобы огранить такой алмаз. Ну-ка, дай мне сполна насладиться твоим великолепием! – А-Ляо с жадным видом ринулась к Чжэнь Вэньцзюнь.

Та даже бровью не повела. Кинжал, предназначенный для очистки фруктов, замелькал в её пальцах с головокружительной скоростью, совершив несколько замысловатых пируэтов, и замер остриём в волоске от кончика носа А-Ляо.

Чуть не лишившись носа, А-Ляо лишь покатила со смеху и послушно откинулась назад:

– А сестрица всё так же непоколебима и сурова, это мне в тебе и нравится. Ладно-ладно, хватит

шутить. А-Чжэн, налей всем вина.

– Слушаюсь, – из-за спины А-Ляо выступила миловидная женщина по имени А-Чжэн. С мягкой улыбкой она переняла кувшин из рук слуги и принялась поочерёдно обходить присутствующих.

Чжэнь Вэньцзюнь помнила эту барышню, они мельком виделись в уезде Цюй округа Суйчуань. У А-Чжэн было точёное личико с узким подбородком и разрез глаз, напоминающий лепестки феникса, с её губ никогда не сходила мягкая улыбка. С виду она казалась воплощением кротости. Она была из тех женщин, что ни при каких обстоятельствах не повысят голос. На вид ей было около двадцати пяти или двадцати шести лет. Облачённая в узкорукавное длинное платье, она грациозно опускалась на колени подле каждого гостя, наполняла кубок и едва слышно шептала: «Прошу вас».

Когда А-Чжэн наполнила кубок Чжансунь У и удалилась, та склонилась к самому уху Вэй Тинсуй и негромко произнесла:

– Я в этот раз приехала исключительно ради того, чтобы навестить почтенного господина Вэя, ну и заодно разузнать, как поживает Цзылянь. Меньше всего мне хотелось мешать вашему уединению, но сестрица А-Жань буквально притащила меня силой.

Вэй Тинсуй это лишь позабавило:

– Второй брат уже умудрился сбежать обратно в Мэнлян, вознамерившись отбить три округа Минша. Моему отцу в ближайшее время его оттуда ни за что не выкурить.

– О? Неужели всё это твоих рук дело, Цзычжо?

Вэй Тинсуй лишь загадочно улыбнулась, не проронив ни слова.

– Впрочем, оно и верно, – Чжансунь У усмехнулся собственным мыслям. – Останься Цзылянь в Жунине, ему было бы ни за что не отвертеться от участи попасть в императорский гарем. А начни он упираться до последнего, то под удар попала бы вся семья Вэй. Спасти положение можно было только одним способом: ринуться на передовую, в самое пекло войны. Вот только... получается, Цзыляню теперь не скоро суждено вернуться назад?

– Как я погляжу, всю эту кашу с женитьбой заварил Вдовствующая Императрица Гэн, самой правительнице это не слишком-то интересно. Второму брату достаточно прорубить мечом на передовой два-три года. У Вдовствующей Императрицы точно не хватит терпения ждать так долго, а отозвать его назад ради возведения в чин наложника она не посмеет. Это сочтут за срыв военных планов. Будь она хоть трижды регентом, придворные цензоры за такое мигом завалят её разгромными докладами. А раз второй брат не вернётся, не отправлять же саму Императрицу на северные рубежи? К чему сдался благородный супруг, который не может явить на свет наследника престола? Придётся им искать кого-то другого. Благо, в нашей Великой Юй статных и благообразных мужей предостаточно, не клином же свет сошёлся на

одной лишь семье Вэй. Как думаешь, Чжаньин?

Чжансунь У поначалу слушал её, затаив дыхание. Рассуждения подружки казались настолько здравыми, что слова восхищения её проницательностью уже готовы были сорваться с языка. Однако стоило Вэй Тинсюй сменить тему в самом конце, как Чжансунь У мгновенно почувал подвох.

- Цзычжо, а ты поступаешь не слишком-то честно, - протянул он. - Сплавив Цзыляня, ты сделала так, что следующей главной мишенью для Дворца станет наша семья Чжансунь, не так ли?

- Неужели? - на лице Вэй Тинсюй отразилось искреннее изумление. - Твои слова, Чжаньин, весьма справедливы. Если посмотреть с этой стороны, то самым достойным претендентом на титул следующего благородного супруга оказываешься именно ты.

Чжансунь У:

- ...

Чжэнь Вэньцзюнь сидела в стороне, наблюдая, как Вэй Тинсюй и Чжансунь У шептались друг с другом, и на душе у неё неизбежно скребли кошки. Однако Вэй Тинсюй уже объясняла ей, что даже если дело дойдёт до брака с Чжансунь У, это будет исключительно союз ради взаимной выгоды, и разыгрывать чувства всерьёз никто не станет. Чжэнь Вэньцзюнь не хотелось вести себя жеманно и ставить Вэй Тинсюй в неловкое положение. Молча обижаться и исходить глупой ревностью было лишь во вред собственному здоровью. Куда разумнее проявить широту души. Вэй Тинсюй всегда всё держала под контролем и определённо сумеет разыграть эту карту безупречно.

А-Чжэн, опустившись на колени подле Чжэнь Вэньцзюнь, наполнила её кубок. Чжэнь Вэньцзюнь негромко поблагодарила её, однако А-Чжэн не поспешила уйти сразу. Вместо этого она принялась пристально и вдумчиво разглядывать девушку.

Чжэнь Вэньцзюнь как раз собиралась поднести кубок к губам, когда заметила устремлённый на себя взгляд А-Чжэн. Ей стало немного не по себе:

- Барышня А-Чжэн, у вас какое-то дело ко мне?

А-Чжэн с мягкой улыбкой покачала головой и удалилась.

Двух бараньих голеней, конечно, с лихвой хватило бы на одну Чжэнь Вэньцзюнь, но кто же знал, что в Бамбуковую обитель внезапно завалится столько народу. Сяохуа пришлось снова идти на кухню и тащить оттуда ещё десяток бараньих окороков и два огромных куска свиной шеи. В один миг она соорудила вертела, и по всему двору разлился упоительный мясной

аромат, а над раскалёнными углями она пристроила решётку, принявшись раскладывать на ней тонко нарезанные ломтики свинины. Пока мясо доходило до готовности, Сяохуа успевала ещё и мыть фрукты. Специально для Вэй Тинсуй она очистила свежие личи. Отделив мякоть от косточек, она порезала плоды на мелкие кусочки, причём от каждого кусочка Сяохуа предварительно откусывала по малейшей дольке и, убедившись, что яда нет, выставляла тарелку под руку Вэй Тинсуй.

Чжэнь Вэньцзюнь, которая не сводила глаз с Вэй Тинсуй, разумеется, подметила эту деталь.

Когда она только появилась подле Вэй Тинсуй, их противостояние с Се Фучэнем как раз достигло наивысшего накала, и покушения сыпались одно за другим. В то время подобная крайняя осторожность хозяйки была вполне объяснима. Но ведь сейчас вся семья Се истреблена до девятого колена, на пороге стоит эра Чжаоу, и повсюду воцаряются мир, восстановление и благоденствие, так почему же она до сих пор так отчаянно бдительна?

Поначалу Чжэнь Вэньцзюнь подумала, что Сяохуа за долгие годы службы просто въелась эта привычка к осторожности. Однако, присмотревшись к Вэй Тинсуй, она заметила, что та не прикоснулась даже к тем личи, которые Сяохуа лично проверила на яд. С тех самых пор как шумная орава гостей заполонила Бамбуковую обитель, Вэй Тинсуй не сделала ни единого глотка и не съела ни крошки. Чжэнь Вэньцзюнь знала, что её спутница терпеть не может трапезничать в большой компании, но то, что она вообще объявила голодовку, не на шутку тревожило её. Сама же Чжэнь Вэньцзюнь не могла при всех подойти и уговорить её поесть, отчего у неё буквально изнывало сердце.

Сестрица А-Жань, сидевшая подле Чжансунь У, заметила, что после той короткой беседы Чжансунь У и Вэй Тинсуй больше не проронили ни слова друг другу. Весь двор теперь оглашался исключительно звенящим голосом А-Ляо.

А-Ляо всюду распиналась о том, как в последние дни ей было поручено разъезжать повсюду в поисках одарённых и необычных людей, чтобы сформировать первую в истории «Женскую армию».

По её словам, чуть ли не половину этого войска составили бывшие разбойницы и вольные наездницы-юэся. Эти женщины с малых лет обучались боевым искусствам у своих наставников и старших в роду, обретая завидное мастерство, но из-за превратностей судьбы и нужды были вынуждены уйти в леса. Ныне Императрица выделила огромные средства, чтобы призвать их на службу и объявить амнистию, что стало великим благом для двора и лучшим шансом для них самих. Среди этой публики нашлись даже те, кто едва не примкнул к мятежникам Жёлтой Земли. Императрица повелела, что если они присягнут на верность престолу, все прошлые прегрешения будут преданы забвению. Помимо разбойниц и воительниц, А-Ляо удалось отыскать и скрытых в глухих деревнях самородков, а также начитанных, искушённых в книжной мудрости советниц из обедневших благородных семей. В этой поездке А-Ляо воистину расширила свои горизонты. И пускай пока ей удалось собрать всего пятьсот человек, это был лишь первый набор. Стоит ей немного перевести дух, и она тут же приступит к формированию второго отряда.

Вэй Тинсуй прекрасно знала, что создание Женской армии - это лишь первый шаг Ли Яньи на пути к возвышению статуса женщин в Великой Юй. От первоначального замысла до мельчайших деталей реализации, весь этот план от начала до конца разработала сама Вэй Тинсуй. И хотя она ещё не занимала официального поста при дворе, она уже успела стать ключевым и самым доверенным стратегом Ли Яньи. Они часами наедине обсуждали законы, способные укрепить положение женщин и тем самым упрочить легитимность самой императрицы. Тонкости положения женщин Великой Юй и все те скрытые преграды, что стояли на пути их возвышения, не сумел бы до конца постичь даже умудрённый опытом и искушённый в придворных интригах Вэй Лунь. Лишь Вэй Тинсуй, которая сама была женщиной и выросла среди простого люда, досконально понимала теневые правила, скрытые за благопристойным фасадом.

После того как Женская армия будет полностью сформирована, её участницам предстоит пройти через череду жесточайших тренировок. По результатам проверки их навыков и преданности часть людей безжалостно отсеют, а оставшихся элитных воительниц переведут под личное крыло Ли Яньи. Это будет тайное воинство, подчиняющееся исключительно воле Сына Неба и предназначенное для исполнения самых деликатных и скрытых приказов императрицы. В противовес гвардии Хубэнь, которая действовала открыто и отвечала за оборону, эти женщины-тени должны были стать клинком, разящим врагов из темноты.

Ли Яньи отнеслась к этому предложению с величайшим восторгом. Обладай в своё время Ли Цзюй подобным скрытым в тени воинством, сама Яньи, пожалуй, уже давно бы тайно предала смерти, и по сей день никто бы не узнал, когда именно это случилось. Но что ещё важнее, предыдущие тридцать лет Ли Яньи оставалась лишь сторонним наблюдателем за делами правящего двора и оттого куда лучше видела все его изъяны и скрытые язвы. Ныне, оказавшись на вершине власти, она была вынуждена использовать конфуцианские догмы, чтобы сковать по рукам и ногам своих подданных. Однако, проповедуя благочестие на словах, сама она в тайных делах не могла позволить себе слабости. Императорский трон достался ей благодаря самым жестоким и немыслимым мерам. Она прекрасно понимала, что пусть сейчас все помалкивают, но в глубине души многие из чиновников до сих пор проклинают её «ведьмой», что самовластно затмила собой небеса. Стоит им улучшить момент, и её попытаются свергнуть, ведь недовольных, готовых поднять мятеж, повсюду пруд пруди.

Она ни в коем случае не могла ослабить бдительность. Ли Яньи слишком хорошо знала, как именно ей достался этот трон и сколько крови запеклось на её ладонях.

Создавая эту Женскую армию, Ли Яньи, если зреть в самый корень, руководствовалась собственным глубинным страхом. Жестокими и разящими мерами она стремилась задушить в зародыше саму возможность появления силы, подобной той, которой когда-то обладала сама. Ей было жизненно необходимо искоренить любые фракции, способные низвергнуть её и заставить повторить трагическую судьбу Ли Цзюя.

- Однако же Мы опасаемся, что не успеет эта Женская армия переступить порог Запретного города, как наткнётся на яростное сопротивление сановников, - Ли Яньи весьма одобряла замысел, предложенный Вэй Тинсуй, но вся эта затея могла увенчаться успехом лишь в том

случае, если женщины-воины действительно сумеют войти во внутренние покои дворца. Издать указ о назначении женщин на чиновничьи посты прямо сейчас было невозможно. В конце концов, законы предков нерушимы. Вчера Ли Яньи потому и призвала Вэй Тинсуй в резиденцию Хуайчэнь, что у неё до боли болела голова от этой дилеммы. К слову, отбор в Женскую армию уже подходил к концу. Проверку и досмотр сумели пройти триста человек, и Ли Яньи уже выбрала для них звучное имя - «Чжуйюэ»¹.

¹Чжуйюэ (月月) – буквально «Преследующие луну».

- На самом деле, уладить это дело чрезвычайно просто, – выслушав сетования Ли Яньи, Вэй Тинсуй с непринуждённым видом обронила эту короткую фразу.

- О? Скорее поведай Нам, Цзычжо! – глаза Ли Яньи вспыхнули ярким блеском, и она размашистым шагом приблизилась к её столику, поторапливая гостью.

- Разве подле Вашего Величества не трётся один безродный малый, малолетний евнух, что совершенно позабыл о приличиях и вечно норовит делить с Вами ложе, чтобы размять Ваши печали?

- Истинно так, – стоило упомянуть этого мелкого слугу, как Ли Яньи аж перекошило от отвращения. – Этот юнец приходится дальней роднёй Цзо Сюю, а во дворец попал лишь ради того, чтобы раздобыть кусок хлеба. В своё время Мы увидели, как другие евнухи нещадно измываются над ним, и из уважения к памяти покойного Наставника приблизили бедолагу к себе для услужения. Кто же мог подумать, что этот негодяй возымеет столь дерзкие и грязные помыслы! Не будь он уже оскроплен до предела, Мы бы самолично лишили его последних остатков естества!

- Вашему Величеству не стоит гневаться. От этого ничтожества, без сомнения, нужно избавиться. Но то, что Вы, проявив святую мудрость, сохранили ему жизнь до сего дня, дабы под благовидным предлогом ввести во дворец отряд Чжуйюэ, воистину доказывает Вашу глубокую и дальновидную проницательность, – эти мягкие слова Вэй Тинсуй мгновенно заставили Ли Яньи прозреть.

Евнухов издревне подвергали кастрации из страха, что они осквернят невинность дворцовых дев. Но ныне на троне восседала женщина, и даже лишённые мужской силы слуги заставляли императрицу держать ухо востро. Если полностью заменить внутреннюю прислугу и евнухов на женщин, это станет безупречным решением, против которого ни одна живая душа не посмеет высказать и слова укора. К тому же, вводя подле императрицы обученное воинство, можно было на первых порах вовсе не жаловать им официальных воинских чинов, а временно заменить ими прежних слуг под видом простых дворцовых дев.

И это был лишь первый шаг. Стоило отряду Чжуйюэ вытеснить прежних слуг, как переход под их начало Ведомства придворных евнухов и замещение должностей смотрителей внутренних покоев стали бы делом естественным и неизбежным. Вэй Тинсуй часто умела находить неожиданные лазейки, берясь за самые незначительные мелочи, но добиваясь поразительного

успеха. Точно так же, как в своё время она использовала Хун Ая в качестве ниточки, чтобы одним махом сокрушить фракции Се и Фэн.

Кроме того, Ли Яньи подметила ещё одну важную деталь.

Прежде Вэй Тинсуй привыкла прямо и без утайки разбирать расстановку сил, открыто излагая свои стратегические замыслы. Теперь же она научилась говорить скрытно. Она не высказывала стратегию в лоб, а искусными намёками подводила Ли Яньи к тому, чтобы та сама додумалась до сути. В итоге любой созревший план оказывался плодом «мудрости и проницательности Сына Неба», не имея к самой Тинсуй никакого отношения, и она ни единым штрихом не затмевала величие правительницы.

Ли Яньи больше не была той верной соратницей, с которой они когда-то делили повозку и скитались по дорогам империи в звании Старшей Принцессы. Ли Яньи прекрасно это понимала, а Вэй Тинсуй и подавно.

Сколько великих мужей гибло от рук господ, стоило загнать зверя и пустить верных псов на мясо?² Вэй Тинсуй, будучи человеком глубокого ума, видела это яснее ясного и оттого вела себя вдвойне, втройне осторожнее.

² идиома, означающая избавиться от кого-то, кто больше не нужен.

– Хорошо, – произнесла Ли Яньи. – Так тому и быть.

Слова А-Ляо о Женской армии заставили Вэй Тинсуй ненадолго задуматься и уйти в свои мысли. Сестрица А-Жань позвала её трижды, но та так и не отозвалась.

Решив, что младшая сестра намеренно её игнорирует, А-Жань опустилась на колени прямо подле Вэй Тинсуй и, перехватив её руку, произнесла:

– Ты вообще слышишь, что я тебе говорю?

– М-м... – на самом деле Вэй Тинсуй не проронила ни слова из её тирады, однако ей и не нужно было слушать, чтобы понять намерения сестры. – С браком спешить не стоит.

– Дело вовсе не в спешке, – А-Жань слишком хорошо знала сестру и заранее предугадала такой ответ. Нацепив самую радушную улыбку, она продолжила:

– Всё ведь уже складывается как нельзя лучше, так почему бы не сыграть свадьбу пораньше, чтобы поскорее порадовать отца с матерью внуками? Когда ты говорила, что в разгар войны

жениться негоже, я тебя понимала. Но сейчас смута позади, на престол взошёл новый император, так разве это не прекрасное время для всеобщего ликования? Как по мне, нужно на днях выбрать самый благословенный час и окончательно назначить дату. Хватит уже заставлять матушку и меня изводить себя заботами, ладно?

Из года в год сестрица А-Жань использовала одни и те же уловки, ни на йоту не меняя устоявшихся привычек. Вэй Тинсуй понимала, что начини она сейчас возражать, у сестры в запасе найдётся ещё сотня веских доводов. Поэтому она лишь мягко улыбнулась и повернулась к Чжансунь У, чьё лицо в этот момент выглядело ещё мрачнее её собственного:

– Пусть в этом деле всё решает Чжаньин.

Чжансунь У, которого за один только вечер умудрились подставить дважды, почувствовал, как тысячи невысказанных слов застряли у него в горле, и ему оставалось лишь горько усмехнуться.

Всё это время Чжэнь Вэньцзюнь, прилежно и молча поглощавшая мясо и фрукты, ни единым словом не вмешивалась в чужие разговоры и не выказывала недовольства. Она лишь преданно смотрела на Вэй Тинсуй, и в её влажных глазах сквозила такая глубокая, безмолвная обида.

– Прошу меня извинить, – Вэй Тинсуй поднялась со своего места и подошла прямо к Чжэнь Вэньцзюнь. – Вэньцзюнь, проводи меня, нужно принести вина из роз «Пайхуай». Когда ты уходила в поход, я собрала лепестки шиповника и настояла вино... думаю, оно уже должно быть готово. Раз уж сегодня здесь собралось столько старых друзей, самое время откупорить его и разделить со всеми. Идём, Вэньцзюнь, поможешь мне выкатить кувшин.

– Хм? Да, конечно... – Чжэнь Вэньцзюнь поначалу растерялась. Когда это госпожа успела настоять вино, о котором она до сих пор и знать не знала? Да и по возвращении та ни разу о нём не обмолвилась. Однако в следующее мгновение до неё дошло, что Вэй Тинсуй просто искала благовидный предлог, чтобы сбежать. Она тут же поднялась и последовала за хозяйкой.

Сестрица А-Жань попыталась окликнуть её: «Цзычжо!», но Вэй Тинсуй даже не обернулась. Когда А-Жань уже вознамерилась броситься следом, Чжансунь У перехватил её за руку и вкрадчивым, полным скрытой насмешки голосом поинтересовался:

– Ох, мне тут внезапно пришло на ум... У сестрицы А-Жань ведь уже давно есть брачный уговор? Позвольте узнать, когда же планируется ваша свадьба?

При одном упоминании о собственном замужестве у А-Жань нестерпимо заломило голову. Её суженый был боевым генералом со своей личной усадьбой, но она терпеть не могла этого грубого вояку, который, по её представлениям, целыми днями исходил вонючим потом. Ей куда больше импонировали утончённые, начитанные учёные мужи, оттого она и затягивала помолвку как могла. Застигнутая врасплох вопросом, она поспешно отмахнулась:

- Я не тороплюсь.

- Как можно не торопиться? Сестрице А-Жань надо поскорее выйти замуж и явить на свет пухлого младенца. К тому же, если сестрица не спешит, то спешу я, - Чжансунь У говорил с самым что ни на есть искренним и благородным видом. - Если старшая сестра не сочеталась браком, как может Цзычжо обставить её и выйти замуж первой? Из поколения в поколение в наших семьях такого порядка не знали.

- Я...

- И не спорьте, Чжаньин всё понимает. Сестрица просто стыдится, ведь благородной барышне не пристало самой проявлять решимость. Поступим так: завтра же я лично отправлюсь в усадьбу генерала и как следует вправлю мозги этому недотёпе, чтобы он поторапливался с подношением свадебных даров!

- Ты...

- Вот и решено!

А Жань:

- ...

Вэй Тинсуй и Чжэнь Вэньцзюнь вместе покинули Бамбуковую обитель и действительно направились напрямик к винному погребу.

- Э? Так сестра и впрямь настояла вино? - Чжэнь Вэньцзюнь была искренне удивлена.

- К чему мне лгать.

Когда они принялись спускаться по каменным ступеням, Чжэнь Вэньцзюнь осторожно придерживала её. Она пошла впереди, неся в руке зажжённый сквозной фонарь. Одной ладонью она удерживала светильник, а другой крепко сжимала руку Вэй Тинсуй. По мере спуска они явственно ощутили, как из глубины винного погреба потянуло леденящим сырым холодом, и Чжэнь Вэньцзюнь замерла на месте.

Вэй Тинсуй удивлённо спросила, почему та остановилась. Чжэнь Вэньцзюнь протянула ей светильник:

- Будь добра, сестрица, поддержи его немного.

Вэй Тинсуй взяла фонарь, а Чжэнь Вэньцзюнь поспешно сняла своё верхнее платье и набросила ей на плечи:

- Погода постепенно становится прохладнее, а в винном погребе и подавно холодно. Сестрице нельзя болеть...

Видя её покорность и заботу, Вэй Тинсуй ухватила за отвороты её одеяния и потянула на себя, увлекая вниз. Чжэнь Вэньцзюнь послушно склонила голову, подстраиваясь под рост Вэй Тинсуй, и их губы соприкоснулись.

- Мы ведь уже договорились, как ты будешь меня звать, а? - в винном погребе они были совершенно одни, и тонкий, едва слышный голос Вэй Тинсуй, многократно усиленный эхом пустующих сводов, отозвался сладостным трепетом в самом сердце Чжэнь Вэньцзюнь.

- Тинсуй... - голос Чжэнь Вэньцзюнь охрип.

Свет сквозного фонаря колеблющимися бликами скользил по лицу Вэй Тинсуй, и сердце Чжэнь Вэньцзюнь отчаянно забилося в груди.

Она вспомнила ту ночь, когда в её собственных глазах отражалась Вэй Тинсуй, что сжимала её в объятиях и нежно шептала её имя. Горло Чжэнь Вэньцзюнь против воли пересохло.

- О чём ты думаешь? - Вэй Тинсуй обвила руками её шею, точно так же она поступала и прежде, когда Чжэнь Вэньцзюнь носила её на руках, чтобы удержать равновесие.

- Думаю о том, почему ты так красива.

- Лжёшь, - разоблачила её Вэй Тинсуй. - Твои мысли заняты совсем другим.

- О? И о чём же я тогда думаю? - Чжэнь Вэньцзюнь бережно придерживала её за талию. Ей до безумия нравилось это уединение, будь её воля, она осталась бы с Вэй Тинсуй в этом безлюдном погребе до скончания веков, и пусть бы никто во всём мире их не тревожил. Она подозревала, что Вэй Тинсуй думает о том же. Им, должно быть, предстояло простоять здесь какое-то время, и, опасаясь, как бы у спутницы не разболелась поясница, она надёжно подпирала её тело, облегчая нагрузку.

Но Вэй Тинсуй, воспользовавшись её секундной уязвимостью, внезапно поцеловала её сама.

В голове у Чжэнь Вэньцзюнь яркой вспышкой пронеслось воспоминание о блаженстве прошлой ночи.

Вэй Тинсуй оказалась в точности такой, какой она её себе и воображала. Но когда эта заветная надежда раскрылась перед ней, подтвердив все её чаяния, Чжэнь Вэньцзюнь ощутила лишь бескрайнюю, щемящую нежность.

Такое горячее, но хрупкое... она сначала осторожно исследовала эту влажную пустошь и незнакомые просторы, погружаясь в давно желанную благодатную землю, вбирая в себя голос и слёзы Вэй Тинсуй. Но позже вздохи Вэй Тинсуй чуть не заставили её потерять контроль.

Тогда они предавались ласкам до самой полуночи, и Чжэнь Вэньцзюнь никак не могла унять бушевавший в груди восторг. Лишь когда Вэй Тинсуй стало совсем невмоготу, ей пришлось остановиться. Только после этого они уснули в объятиях друг друга, и ночь их была лишена сновидений.

Вэй Тинсуй, возможно, не была идеальным человеком, но она определённо была той единственной, кто заставлял Чжэнь Вэньцзюнь терять рассудок от любви.

Стоило один раз изведать эту сладость, и позабыть её было уже невозможно. Один миг нежности - и девять частей страсти. И теперь, когда Вэй Тинсуй сама одарила её поцелуем, мысли Чжэнь Вэньцзюнь неодолимо устремились вспять, к недавним воспоминаниям. Их языки переплелись страстно и горячо. Чжэнь Вэньцзюнь слышала прерывистые вздохи Вэй Тинсуй от её поцелуев, что делало её ещё более возбуждённой. Она подхватила Вэй Тинсуй на руки и усадила на край огромного винного чана, чтобы у той появилась опора и ей не приходилось утомлять себя, стоя на ногах.

...

Они ходили за вином добрых три четверти часа, прежде чем наконец выбраться наружу.

Сяохуа всё это время преданно стояла у входа в погреб. Она понимала, что входить внутрь ей не причитается, но в то же время до боли опасалась, как бы Чжэнь Вэньцзюнь в порыве безрассудства не заставила барышню страдать, а потому замерла здесь каменным изваянием в ожидании.

Наконец Чжэнь Вэньцзюнь на руках вынесла Вэй Тинсуй наружу. На её поясе покачивался кувшин с тем самым вином, которое Вэй Тинсуй под руководством Сяохуа впервые в жизни попробовала настоять сама.

– Ой? Ты почему здесь? – губы Чжэнь Вэньцзюнь слегка припухли, хотя волосы она успела поправить, и они лежали вполне опрятно. Румянец ещё не успел сойти с её лица, и при виде Сяохуа её улыбка вышла довольно натянутой. Чжэнь Вэньцзюнь чувствовала себя виноватой грешницей, нарушившей некое устоявшееся равновесие и перевернувшей былые узы, оттого ей было неловко смотреть Сяохуа прямо в глаза.

Лишённая последних сил Вэй Тинсуй безропотно позволяла удерживать себя в чужих

объятиях. Она лишь мазнула по Сяохуа мимолётным взглядом, не проронив ни звука.

Сяохуа же подметила, что губы Вэй Тинсюй тоже припухли, а на шее алел небольшой след от укуса.

– Что с вашей шеей, госпожа? Неужто поранились? – в голосе Сяохуа не было упрёка в адрес Чжэнь Вэньцзюнь. Она понимала, что у неё больше нет права корить её, и её слова были продиктованы исключительно искренней, идущей от сердца тревогой за Вэй Тинсюй.

Вот только от этой заботы Чжэнь Вэньцзюнь сгорела со стыда, да и самой Вэй Тинсюй нечего было ответить. Ей оставалось лишь слабо произнести:

– Я не ранена. Сяохуа, можешь идти, со мной побудет Вэньцзюнь.

Сяохуа с малых лет ухаживала за Вэй Тинсюй и заведовала её повседневным бытом, но у неё самой не было ни крупицы опыта в подобных делах. Обвинять её в том, что она не сумела разгадать истинную суть этих «ран», воистину не поворачивался язык. Девушка лишь послушно отозвалась «Слушаюсь» и отправилась в покои Вэй Тинсюй, чтобы приготовить постель. Поразмыслив немного, она заменила одеяло на более широкое, под которым без труда могли бы укрыться двое, уложила рядом две подушки и подожгла благовония, которые больше всего любила её госпожа. Лишь после этого она покинула покои.

– Я не выйду замуж за Чжансунь У.

Чжэнь Вэньцзюнь как раз сделала два глотка вина из роз «Пайхуай», когда услышала эти слова Вэй Тинсюй.

– Всё в порядке, – отозвалась Чжэнь Вэньцзюнь. – Я прекрасно понимаю, что для вас, детей из великих семей, брачные союзы – это важнейший способ укрепления и расширения своего рода. Я не стану вести себя глупо и безрассудно, к тому же ты и Чжансунь У...

– Раньше это был союз ради взаимной выгоды, поскольку нам требовалось вместе противостоять семье Се. Мой отец отчаянно боялся, что стоит ему и дяде Чжансуню уйти в мир иной, как наше поколение погрязнет в распрях и разделится, а это было бы как раз на руку Се Фучэню. Но теперь Се Фучэнь мёртв, и те интересы, ради которых следовало объединяться, давно изменились, – твёрдо отчеканила Вэй Тинсюй. – Я не выйду за него.

В душе у Чжэнь Вэньцзюнь расцвело безумное ликование, однако на словах она всё ещё продолжала упрячиться:

– И зачем только ты мне это говоришь... Я же уже сказала, что мне всё равно.

– Вот как? – Вэй Тинсюй понимающе кивнула. – Значит, тебе всё равно. И то верно, к чему я это

затеяла, совсем голова кругом идёт. Спасибо, что напомнила, сестрица. Я, пожалуй, ещё раз хорошенько всё взвешу. В конце концов, Чжансунь У действительно редкий и достойный мужчина.

Чжэнь Вэньцзюнь никак не ожидала, что та переменится в лице в одно мгновение. Увидев, что Вэй Тинсуй решительно поднялась и направилась к выходу, она тут же бросилась следом, на ходу признавая свою вину:

– Ну почему опять «сестрица»? Разве ты только что не звала меня Вэньцзюнь? Я была не права, дорогая моя сестрица, ну не сердись! Хочешь, отшлёпай меня? Ткни, пока душа не успокоится, идёт? Сестрица! Тинсуй! Сестрица Тинсуй!

<http://bllate.org/book/17227/1866513>